

**«ГРЯДЕТ ВРЕМЯ УТОПИЙ!»,
- или НАШ ОТВЕТ НА ЛЕТЧИКУ ТУРКЕ**

Кинематограф Геннадия Полоки самоотверженно утопичен. По нынешним меркам - непозволительная роскошь. Время утопий, похоже, давно минуло. Между тем режиссер отчаянно и беззащитно отстаивает идею... всенародного братства. На этой основе, зараженный к тому же любовью к эпохе и кино 1920-х годов, он и обращается в экранизации «Седьмого спутника» Б. Лавренева к самым драматичным страницам отечественной истории. И не смущается неизбежными упреками в оправдании красного террора времен покушения на Владимира Ульянова.

«Око за око» мы бы отнесли к жанру трагедийной утопии. Герой картины, профессор Военно-юридической академии, историк права генерал Адамов (в сдержанном и глубоком толковании Михаила Пахоменко), обладает удивительным свойством человеческого постижения людей и событий, даже смертельно, на первый взгляд, ему и друг другу противостоящих. Не зря же режиссер рифмует своего героя одновременно и с Дон Кихотом, и со Львом Николаевичем Мышкиным. У Лавренева генерал Адамов категорически приемлет новую власть, упрочившуюся через революцию как «юридическая новелла-с» «по отношению к предыдущим устоям». А вслед за тем – и террор как способ самозащиты этой власти.

То же, кажется, и в фильме. То же, да не совсем. В повести заметно авторское своеволие по отношению к герою. Лаврениевский генерал, ведомый его создателем, к драматическому финалу вещи окончательно становится на сторону «красных», испытывая непримиримую классовую ненависть к «белым». Полока же предоставляет своему герою свободу этической позиции, отказываясь перегибать «палку» в ту или иную «классовую» сторону. В этом смысле, его толкование повести отличается не только от нее самой, но и от экранизации 1967 года, сделанной Г. Ароновым и А. Германом. В то же время «Око за око» едва ли не буквально следует за литературным текстом.

Но много Полока как сценарист (в соавторстве с Евгением Митько) вносит и от себя. Прежде всего – место действия. Губернский город «на стыке России и Белоруссии», который выглядит вавилонским столпотворением, смешением языков (в смысле, народов). И это – родина Адамова, куда он вернулся из голодного революционного Петрограда. Арестантским же домом губернской ЧК становится здесь актовый зал кадетского корпуса, где генерал в свое время преподавал, а теперь оказался в числе заложников.

Полока и в «белой кости», и в их «тюремщиках» видит, кажется, детей, подростков – по мере исторического недомыслия и слепоты тех и других. Отсюда эксцентрическое до гротеска «остраннение» ситуации. В том числе, внешности и пластики персонажей. Но эти эксцентриада и гротеск всякий раз готовы обернуться трагедией.

«Подростковое» недомыслие классово разведенных «верха» и «низа» нации породило катастрофу. Суть ее «на пальцах» растолковывает Адамову «сокамерник» налетчик Турка. Его «полезный вопрос» продиктован рухнувшей надеждой на возможное братание «умственных, которые в этажах жили», «с подвальными»: «А вы, извините, сразу от подвалов морду отворотили... Почему, извините?..»

Дальнейший путь Адамова в фильме превращается, по сути, в поиск ответа.

Мечта об общенациональном братстве как высшей цели общественного развития крайне существенна и для режиссера, и для его героя. Внешняя непреодолимость столкновения «красных» и «белых», непреодолимость агрессии, коренящейся, кажется, в самой природе человека, «снимается» в сознании юриста Адамова соблюдением и исполнением законности как в собственно правовом, так и в высшем, метафизическом смысле. Герой фильма становится своеобразным лакмусом, поверяющим степень готовности общества (и сегодня!) соответствовать нормам этой высшей законности. Самоотверженно отстаивая ее, Адамов и должен положить свою жизнь на алтарь выношенной им мечты. Общество-то не готово! Но в картине есть залог ненапрасности утопических надежд и чаяний героя.

Залог этот связан с двумя ее персонажами, гораздо более значимыми, чем их литературные оригиналы. Прежде всего, комендант «домзака» Кухтин. Его роль совершенно неслучайно исполняет Владимир Гостюхин. Затем – юный красноармеец Кимка (запоминающаяся работа Максима Костромькина). Возрастные полюса огромной массы простого люда, брошенного в революцию, едва достигнув «подросткового» уровня гражданского самосознания.

В Кухтине давняя актерская «тема» Гостюхина пережила свой новый взлет. Его герои, как правило, мучительно, почти вслепую, осваивают пути личностного становления из глубин коллективистского (общинного) мировидения. Тоска по высокой человечности занозой засела в девственном сознании бывшего крестьянина. Ею и определяется едва ли не родственное сближение Кухтина с Адамовым, гостем из недостижимых культурных пространств. Объединяет их и беспокойная совестливость, устанавливающая этическую границу, которую невозможно переступить, не нарушая той самой высшей законности. Заметим, что следуя как раз этим принципам, Адамов идет в Красную Армию: она противостоит нашествию иноземцев. Генерал ни на шаг не отступает от присяги, данной в свое время Государю и Отечеству. Так он и поясняет пленившим его офицерам Белой гвардии. В том и беда, что укореняющееся противостояние «подвальных» и «умственных» окончательно порушит надежды и Кухтина, и Адамова. Надежды эти навсегда останутся утопической мечтой, а в реальности обернутся трагедийной расплатой за затянувшуюся слепоту и поздние прозрения необходимости национального единства.

Фигура Кухтина, точнее, его Лицо обрамляет сюжет картины. В первых кадрах он - во главе патруля, олицетворяющего неумолимую революционную законность. А на финальном крупном плане звучат две закадровые реплики автора картины. Первая о том, что Евгений Павлович Адамов был последним представителем древнейшего аристократического рода. Вторая о том, что дальнейшая судьба коменданта Кухтина осталась неизвестной. Его лицо в финале – лицо трагедийного вопроса: в состоянии ли Россия как единое целое осуществить свою историческую судьбу? Судьба самого

Кухтина могла бы состояться, но только в становлении нации как целого. Иными словами, **она невоплотима вне судьбы Евгения Адамова.**

Впрочем, в фильме есть еще один герой, которого мы уже назвали и который мог бы «прочитываться» как обещание грядущего. Аким Макушонок, мечтающий о том, чтоб «божедкую и большевицкую правды вместе собрать». Монолог юного Кимки у Полоки, как и «полезные» вопросы налетчика Турки, продиктован интуитивной утопической жадой спасительного сотрудничества «подвалов» и «этажей».

Пытаясь спасти Кимку от расстрела даже ценой своей жизни, Адамов, по сути, воскрешает в нем своего погибшего сына. Фильм утверждает их **кровное родство – по крови, объединяющей людей в народ, в страну.** Здесь слышится толстовское из «Войны и мира»: «Сопрягать надо, сопрягать!», - как базовый принцип культурно-исторического бытия нации. Не зря же фильм еще на титрах открывается демонстрацией соборного портрета России, куда вписаны и лица героев картины. Да и кадетский марш звучит в этом контексте гимном единения, которое в нынешние времена может показаться наивной утопией.

Всякий конфликт, разгорающийся в фильме, ничтожен по сути поводов к нему. Хотя за всеми этими конфликтами стоит инерция векового противостояния, прорывающаяся чаще всего «классовой» истерикой с обеих сторон. Правовые нигилизм и невежество тех и других объяснимы, может быть, веками унавоженной господско-рабской психологии. Не только в глубине натуры «простого человека», но и в натуре государственного чиновника, в натуре офицера, казнящего собственный, пусть неразумный народ.

Фильм «Око за око» крепко берет зрителя за душу, несмотря на историческую дальность событий. «Виной» тому – любовь. Любовь режиссера к своему последовательному «утописту» Евгению Павловичу Адамову, в котором смешались Дон Кихот и князь Мышкин. Как ранее зритель был так же душевно потрясен другим «утопистом» Полоки - Иоганном Герцем. Такие герои любви заслуживают как, может

быть, и не первые, но, уж точно, крайне редкие ЛЮДИ («АДАМЫ»!) отечественного экрана.

Так, может быть, «дон кихот» нашего кино, Геннадий Полока, если не прозревает, то предчувствует что-то, чего не видим и не чувствуем мы? Может быть, время утопий только грядет? Иначе откуда безоглядная готовность художника вместе с его героями взвалить на себя и отважно нести бремя мечты о всенародном братстве...